

Мои слуги.

(о черкѣ).

Въ 18** я жилъ въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ В—ской губерніи, — жилъ одиноко, занимая отдѣльный домъ въ четыре комнаты съ кухней. Хозяйствомъ у меня завѣдывала кухарка, дѣвица изъ сосѣдней деревни, не первой уже молодости, рябая и одноглазая. Такъ какъ такія «убогія» въ нашемъ крестьянствѣ никогда не выходятъ замужъ, то Ларисса, такъ звали мою кухарку, собиралась поступить въ монастырь. Это мнѣ было, кстати сказать, весьма на руку, ибо моя домоправительница постоянно сидѣла дома, работала, и я никогда не слыхалъ въ кухнѣ ни звона шпоръ, ни писка гармоники. Я былъ человѣкъ занятой и домосѣдъ; гости у меня бывали рѣдко, да и то въ одиночку, компаніей-же никогда не собирались, потому что въ карты я не игралъ и водки не выставлялъ. Возвратясь со службы домой, я проводилъ вторую половину дня чаще всего за письменнымъ столомъ. Проживши у меня съ полгода, Ларисса какъ то объявила мнѣ, что если я ей не откажу, то она не уйдетъ въ монастырь, такъ какъ видитъ, что у меня въ домѣ тише, чѣмъ въ монастырѣ и крайне этимъ довольна. Я отвѣтилъ, что весьма польщенъ подобнымъ отзывомъ, хотя, надо признаться, только терпѣлъ Лариссу, какъ неизбѣжное въ жизни зло. Не въ состояніи будучи самъ вести хозяйство, я вынужденъ былъ держать кого нибудь.

Впрочемъ и то сказать, присутствіе человѣка въ домѣ, хотя-бы и одноглазого, вносило въ монотонную мою жизнь нѣкоторое оживленіе. Все таки что-то шевелилось тамъ въ кухнѣ, ходило, побрякивало посудой, а иногда и напѣвало. Ларисса была женщина несомнѣнно честная и будь она немного поумнѣе, я бы могъ сказать, что доволенъ ею столько-же, сколько она была довольна мною, но она отличалась глупостью и упрямствомъ и при этомъ имѣла скверную привычку *думать*, чего отъ нея вовсе не требовалось, привычку, нерѣдко выводившую меня изъ терпѣнія, хотя я и обладалъ этою способностью въ достаточной степени. Приведу два примѣра.

Когда наступила осень и пришлось топить всѣ печи, я, уходя изъ дому, говорю: смотрите, Ларисса, не затопайте всѣхъ печей разомъ, а топите одну за другой.

Отдавая это приказаніе, я имѣлъ въ виду, что хотя трубы у печей и отдѣльныя, но если затопить всѣ печи разомъ, то въ комнатахъ не хватить воздуха для горѣнія и внѣшній воздухъ устремится по трубѣ одной изъ печей сверху внизъ, отъ чего печка станетъ, какъ говорится «выкидывать». Объяснять это Лариссѣ было-бы бесполезно, потому что она не признавала существованія никакого воздуха, а была увѣрена, что если печка «выкидываетъ», то происходитъ это отъ того, что на трубу съѣлъ чертъ и не даетъ выходить дыму на улицу.

Прихожу домой и вижу отворенныя настежъ двери и полная дыму комнаты.

— Почему же вы не сдѣлали какъ велѣно было? спрашиваю.

— А я *думала*, что не будетъ выкидывать, трубы-то вѣдь разныя...

На рынкѣ купленъ кусокъ мяса. Я говорю: хоть кусокъ и большой, зажарьте его цѣликомъ, не отдѣляйте ничего; мнѣ нуженъ будетъ весь кусокъ; слышали?

Говоря такъ, я имѣлъ въ виду, что въ тотъ день вечеромъ, мнѣ предстояло съѣздить на два дня въ уѣздъ и я хотѣлъ взять кусокъ жареной говядины на дорогу.

Прихожу домой обѣдать, Ларисса подаетъ въ плоскѣ какіе-то собачьи кусочки.

— Это что-же? спрашиваю.

— А я *думала*, если всю зажарить, такъ скоро испортится.

Иногда, отдыхая отъ занятій, я начну прохаживаться по комнатамъ, а Ларисса хотя и не особенно словоохотлива, начнетъ что нибудь рассказывать.

— У меня, баринъ, братецъ заболѣлъ.

— Отъ чего-же онъ заболѣлъ?

— Отвезъ сѣдока на станцію, да какъ назадъ возвращался, заблудился и попалъ въ болото.

— Какъ-же онъ могъ заблудиться, если ѣхалъ по дорогѣ?

— А ужъ нечистый его попуталъ.

— Пьянъ былъ, конечно?

— Выпивши немного былъ.

— Ну да; выпившихъ-то чертъ всегда за носъ водить.

— Увидаль огонекъ; вообразилось ему, что постоялый дворъ, а тамъ дѣйствительно есть постоялый дворъ въ сторонѣ отъ дороги; онъ лошадей свернулъ, до и усадилъ всѣ тройку въ болото. Утромъ народомъ ужъ вытащили, а братъ-то и заболѣлъ отъ простуды.

— Такъ онъ ямщикъ, вашъ братъ?

— Въ ямщикахъ служить.

— Тяжелая это работа.

— Самая каторжная! Жалованья всего пять рублей получаетъ, да развѣ когда отъ проѣзжающихъ какой нятачекъ перепадетъ; а перегоны въ обѣ стороны большіе: въ одну сторону тридцать верстъ, а въ другую двадцать четыре, хоть и считается двадцать двѣ.

— Почему-же такъ?

— А видите-ли, какъ дорогу-то прокладывали, извѣстно тутъ землемѣръ былъ, онъ и подсмотрѣлъ, что мужики стерлядь большую изловили; говорить: отдайте мнѣ стерлядь, а мужики пожалѣли, не отдали. Онъ и закричалъ; ну ладно, будете эту стерлядь помнить! взялъ да и укралъ двѣ версты. Такъ вотъ ужъ теперь сколько лѣтъ ѣздятъ, и за каждую поѣздку по двѣ версты теряютъ; въ годъ-то это много рублей выйдетъ...

— А много-ли?

— Не сосчитать, баринь.

-- А много-ли разъ вашъ братъ въ недѣлю съѣздить?

-- Разъ пять съѣздить.

- Ну, это если на пару тридцать копѣекъ, а въ годъ рублей пятнадцать.

— Это онъ одинъ, а вѣдь ямщиковъ-то много, каждый по стольку-же терять. А вся-то стерлядь трехъ рублей, поди, не стоила...

— Такъ каются мужики?

— Ужъ какъ и каются! Жаловаться ходили, такъ говорить: для васъ дорогу переѣривать не будутъ.

Помолчавъ, она сказала: я, баринь, нынѣшнимъ лѣтомъ къ соловецкимъ-бы сходила...

— Ну что-же, на здоровье. А чтобы соблазна меньше было, одѣньтесь въ мужское платье...

— Что это, какъ это можно! а волосы-то?

— Странникомъ одѣньтесь да волосы распустите; я вѣдь знаю, что инья такъ дѣлаютъ. И па Аеонъ вашъ братъ въ мужскомъ платьѣ пробирается...

II

Это было въ концѣ марта мѣсяца, подъ вечеръ. Я вышелъ изъ дому съ тѣмъ чтобы зайти въ лавку и сдѣлать кое какія покупки.

Весна въ томъ году наступила рано и въ городѣ было жарко и пыльно. По улицѣ, гдѣ сосредоточены главнѣйшіе магазины и лавки, шли кучками странники — мужики и бабы, подростки и дѣвки, направлявшіеся изъ разныхъ уѣздовъ по большей части въ поволжскія губерніи на лѣтнія работы. Я всегда съ любопытствомъ приглядывался къ этимъ людямъ. На отхожіе промыслы идутъ обыкновенно люди передовые изъ народа въ смыслѣ физическомъ, а отчасти и умственномъ. Человѣкъ мало мальски слабый не пустится въ путешествіе за сотни верстъ на тяжелую работу; такіе остаются дома и правятъ тамъ хозяйствомъ. Такъ и на этотъ разъ я остановился у церковной ограды и, пропуская мимо себя десятки путниковъ,

присматривался къ ихъ лицамъ и костюмамъ, угадывая по этимъ костюмамъ и по говору, изъ какого угла нашей обширной губерніи они вышли. Вниманіе мое привлекли на себя четверо, шедшихъ гуськомъ: мужикъ среднихъ лѣтъ и три парня—одинъ лѣтъ 22-хъ, а двое лѣтъ по 18-ти. На всѣхъ были бѣлые армяки, подпоясанные пестрыми кушаками, мѣховыя шапки и берестяные лапти. Брели они медленно, едва волоча ноги, очевидно страшно утомленные.

— Откуда вы, любезные? спросилъ я, когда путники поровнялись со мной.

Мужикъ, шедшій впереди, остановился и отвѣтилъ, что идутъ они изъ отдаленнаго уѣзда, прошли уже 600 верстъ и теперь почти достигли цѣли своего странствованія: часа черезъ два доберутся до ** монастыря, въ 7 верстахъ отсюда, переночуютъ тамъ, а завтра надѣются сдѣлать послѣднія 40 верстъ и достигъ губернскаго города, гдѣ наймутся на барки «сплавными» до моря.

Вмѣсто того, чтобы плестись еще семь верстъ до монастыря, я предложилъ имъ переночевать у меня.

Мужикъ былъ видимо удивленъ неожиданностью такого приглашенія и съ минуту колебался, оглядѣлъ своихъ спутниковъ, спросилъ: что, ребята? а такъ какъ ребята ровно ничего не отвѣтили, то онъ двинулся за мной; двинулись и ребята.

Въ кухнѣ они сбросили свои котомки и мѣшки, сняли лапти и надѣли сапоги. Ларисса между тѣмъ поставила самоваръ и когда онъ былъ готовъ, гости мои перешли въ столовую и принялись за чай. Я предоставилъ Лариссѣ угощать ихъ, а самъ вышелъ, чѣмъ они, вѣроятно, были очень довольны. Къ чаю я велѣлъ поставить пеклеванный хлѣбъ, но они до него не дотронулись (можетъ быть опасаясь, что я потребую за него плату), а достали изъ своихъ мѣшковъ деревенскіе пироги и шаньги и закусили.

Когда они кончили чай, насытились и поосмотрѣлись, я вышелъ къ нимъ и вступилъ въ бесѣду. Пожилой мужикъ оказался отцомъ двухъ смуглыхъ парней; третій былъ имъ не родня, а только спутникъ, односельчанинъ ихъ. Отцу было лѣтъ 40, не больше; свѣтлые какъ ленъ волосы его вились кудрями и изъ глубокихъ

впадинъ смотрѣли голубые, кроткіе глаза. Говорилъ онъ тихо, безпрестанно оглядываясь на своихъ сыновей, какъ будто спрашивая, одобряють ли они его рѣчи; по всему было замѣтно, что онъ или имѣеть слабый характеръ и во всемъ подчиняется дѣтямъ, или же любить ихъ безгранично. Оказалось и то и другое вмѣстѣ.

Старшій сынъ, Михайло, худощавый, но здоровый и стройный брюнетъ, смотрѣлъ совершеннымъ разбойникомъ. Голова его, покрытая цѣлой массой черныхъ кудрей, сидѣла гордо на бурой какъ голенище шеѣ; большіе каріе глаза глядѣли мрачно; онъ сидѣлъ потупившись, изрѣдка вставляя какое нибудь слово. Братъ его, Лавръ, тоже худенькій, посматривалъ на меня съ любопытствомъ живыми, карими глазами, на вопросы отвѣчалъ коротко, но опредѣленно и изрѣдка улыбался, показывая ослѣпительной бѣлизны зубы. Густые, темно-русые, прямые волосы епускались космами на лобъ и на виски и придавали его бронзовому лицу какое-то дикое выраженіе. Онъ напоминалъ мнѣ не то Робинзона, не то Мцыри.

Когда мы немного ознакомились другъ съ другомъ, я высказалъ, что хотѣлъ бы взять себѣ въ услуженіе мальчика и спросилъ, указывая на Лавра, не останется ли онъ у меня?

Отца этотъ вопросъ, какъ видно было, поставилъ въ тупикъ. Онъ то глядѣлъ на меня недоумѣвающимъ взглядомъ, то переводилъ взоръ на Лавра и молчалъ. Я пояснилъ, что работа у меня будетъ нетрудная: исполнять разныя услуги по дому, топить печи, носить дрова, ходить въ лавку и т. п. и за услуги эти я буду платить Лавру жалованья 5 руб. въ мѣсяцъ и при этомъ, конечно, кормить, а въ свободное время поучу читать и писать, такъ какъ онъ, разумѣется, неграмотный (да, неграмотный!)

Въ моемъ присутствіи отецъ не вступилъ бы, вѣроятно, въ объясненіе съ сыновьями, потому я вышелъ, предоставивъ имъ обсудить мое предложеніе между собою и дать мнѣ затѣмъ отвѣтъ.

Черезъ часъ или около того я снова вошелъ въ столовую. Старшій братъ и чужой парень вышли тотчасъ же въ кухню, Лавръ остался. Отецъ обратился ко мнѣ и сказалъ, что Лавръ останется у меня, что на предлагаемыя мною условія онъ, т. е. Лавръ, согласенъ.

— Ну и прекрасно, а теперь мы болѣе толковать объ этомъ не будемъ, времени уже много, вы устали, ложитесь спать, а завтра утромъ еще побесѣдуемъ.

Я вышелъ, а гости мои расположились спать тутъ же въ столовой на полу.

На другое утро я всталъ въ 6 час. и, выйдя въ столовую, засталъ гостей моихъ уже на ногахъ. Выспавшись и отдохнувъ, они глядѣли гораздо веселѣе и отецъ, поблагодаривъ меня за гостепріимство и за угощеніе (прочіе не проронили ни слова, этого требовало приличіе) сталъ говорить о Лаврѣ. Онъ не заикнулся о томъ, что желалъ бы того-то и того-то для своего сына, не сдѣлалъ даже намека на возможность худого съ нимъ обращенія (вѣдь не зная меня совершенно, онъ могъ думать, что обращеніе это могло быть и дурнымъ), но высказалъ, что сынъ его не видѣлъ ничего, кромѣ своей деревни, не имѣетъ понятія о городской жизни и ея обычаяхъ, не знаетъ образа моей жизни и привычекъ, потому онъ, отецъ, просить меня быть снисходительнымъ къ мальчику и не вмѣнять въ вину его невѣжества и неумѣлости.

Можно было понять, что рѣчь эта готовилась долго и обдумывалась тщательно; потому я не прерывалъ ее ни однимъ словомъ и когда мужикъ кончилъ, отвѣтилъ, что понялъ его отлично (говоръ ихъ былъ совсѣмъ особенный), знаю, что Лавръ незнакомъ съ городской жизнию, но этимъ именно я и дорожу. Въ городѣ много найдется мальчиковъ, которые пойдутъ ко мнѣ въ услуженіе за половинную плату, но если бы они стали мнѣ платить деньги за то, что будутъ жить у меня и прислуживать, я бы ихъ ни за что не взялъ, потому что это народъ вконецъ испорченный: въ 15 лѣтъ они ужъ пьютъ водку, играютъ въ карты, развратничаютъ, воруютъ, франтятъ. Напротивъ, я желалъ бы, чтобы Лавръ оставался такимъ, каковъ онъ есть и ничѣмъ онъ такъ мнѣ не угодитъ, какъ оставаясь самимъ собою. Съ своей стороны я даю слово не обижать его, кормить до-сыта и аккуратно платить ему жалованье.

Рѣчь моя растрогала мужика; какъ-то растерянно положивъ руку на голову сына, онъ сказалъ взволнованнымъ голосомъ: слышь, Лаврикъ, что говорятъ? чего жъ тебѣ сомнѣваться?

Лавръ ничего не отвѣтилъ, а не поднимая головы, поднялъ на меня на секунду глаза и щеки его покрылись румянцемъ.

Мужикъ всталъ и отвѣсилъ мнѣ безмолвный и низкій поклонъ; всталъ и Лавръ, тоже поклонился и оба подали мнѣ руку. Это значило, что договоръ заключенъ, дѣло кончено, что рѣчи больше быть не можетъ объ отступленіи.

Подали самоваръ Гости стали было отказываться, но я возразилъ: — Слушайте, друзья, вѣдь вы меня обижаете! Вчера вы не дотронулись до моего хлѣба, сегодня отказываетесь и отъ чаю. Вѣдь вы мои гости, а не постояльщики и у меня не постоянный дворъ. Вотъ спросите эту дѣвицу, она вамъ скажетъ, что я не беру со своихъ гостей платы за хлѣбъ, за соль, а очень радъ, если кушаютъ.

Все засмѣялись, даже угрюмый Михайло, стали пить чай и вѣсть хлѣбъ.

— Еще вотъ что я вамъ скажу, продолжалъ я. Жалованье свое Лавръ вѣроятно станетъ отсылать домой въ хозяйство, потому не возьмете-ли теперь впередъ рубля три? Денегъ, надо полагать, у васъ не густо и вамъ они пригодятся; навѣрное Лавръ на это согласится...

Отецъ вопросительно взглянулъ на Лавра. Лавръ ничего не отвѣтилъ, но Михайло метнулъ на нихъ молніеносный взглядъ и произнесъ сурово: не заслужилъ еще, а станетъ деньги брать! не надо, не надо! Затѣмъ взглянулъ на меня уже съ инымъ выраженіемъ, подаль мнѣ руку и сказалъ: и такъ тебѣ много благодарны.

— Ну, хорошо, отвѣтилъ я и прибавилъ: вотъ этотъ мальчикъ чужой вамъ; вы не можете запретить мнѣ дать ему чтонибудь. Я подаль мальчику рубль и сказалъ: не сочти это за милостыню, дружкѣ, а сбереги и когда домой вернешься, употреби въ хозяйство. Въ городъ на рубль немного купишь, а въ деревнѣ онъ стоитъ дорого. Не откажи мнѣ, возьми.

Красный какъ ракъ, мальчикъ взялъ деньги и поблагодарилъ.

Напившись чаю, трое стали собираться въ путь. Я смотрѣлъ на Лавра. Онъ сдѣлался блѣденъ, подошелъ къ своему мѣшку, лежавшему на полу у стѣны, наклонился и стоялъ такъ съ минуту, пока прочіе одѣвались; очевидно, онъ плакалъ.

— Проводить ему насъ позволѣте недалеко? спросилъ отецъ упавшимъ голосомъ.

— Ну, конечно, пускай проводить.

Мы распрощались. Лавръ, все стоя спиной къ прочимъ, надѣлъ свою шапку, имѣвшую видъ папахи и торопливо вышелъ въ сѣни. Я проводилъ гостей до крыльца и вернулся въ комнаты

III.

Проводивъ своихъ до окраины города, Лавръ вернулся. На глазахъ его не было замѣтно слезъ. Очевидно, онъ подтянулся и рѣшился войти не робѣя въ новую жизнь, что бы эта жизнь ему ни сулила.

Ради развлечения, я повелъ его въ свой кабинетъ и въ залъ, показывалъ разныя вещи, цвѣты, картины. Онъ оглядывался кругомъ недоумѣвающимъ взоромъ: все это такъ мало походило на деревенскую обстановку и множество предметовъ онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни.

Затѣмъ я сѣлъ, посадилъ его рядомъ съ собой и сказалъ:

— Отецъ твой очень тебя любить, это я вижу. Ты ужъ большой мальчикъ и знаешь, что хорошо, что худо. Если ты меня не станешь обманывать, я тебя буду любить. Никогда не говори неправды, если сдѣлаешь что нибудь неладно, испортишь, разобьешь что нибудь—не утаивай этого, скажи сейчасъ. Держи себя чисто и старайся наблюдать во всемъ чистоту, не жалѣй на это времени. Вотъ сегодня наша Ларисса истопить баню, сходи и вымойся и надѣнь чистую рубаху, а дѣлать сегодня ничего не надо, отдохни, поспи, ношшь, поправься съ дороги. Завтра мы станемъ вмѣстѣ дѣлать дѣло, а какое дѣло—я тебѣ покажу. Ходи и сиди вездѣ гдѣ хочешь, но вещей моихъ не трогай руками, особенно не трогай бумагъ и если увидишь на полу бумажку, не бросай ее никогда, а положи на столъ. Я запираю свои комнаты, но теперь не буду, оберегай ихъ и не давай входить безъ меня никому. Понялъ ты меня и будешь все дѣлать, какъ я тебя прошу?

— Буду, сказалъ онъ, прямо взглянувъ мнѣ въ глаза и прибавилъ: я тебя понялъ, не понялъ только *гумиги*...

Я взялъ клочекъ чистой бумаги и показалъ ему. Это какъ-же по вашему зовется?

— Грамотка, сказалъ онъ.

— Даже если на ней ничего не написано?

— Грамотка, повторилъ онъ.

— Ну хорошо, такъ я ужъ стану на тебя вполне надѣяться. Отецъ твой называлъ тебя Лаврикомъ, и я буду такъ тебя звать. Сейчасъ я пойду на службу, а ты сиди и отдыхай, съ Лариссой побесѣдуй, а скучно станетъ сидѣть сложа руки, возьми ножъ, на-строгай мнѣ съ десятокъ вотъ такихъ палочекъ; для чего эти палочки — ты потомъ узнаешь.

Когда я вернулся домой, Лаврикъ сидѣлъ среди столовой на стулѣ; вокругъ его лежала куча стружекъ. Онъ дострагивалъ палочку, а десятка полтора готовыхъ лежали тутъ-же на столѣ.

— Не успѣлъ до *васъ* кончить, сказалъ онъ, вставая и стяхивая съ себя стружки. Потомъ подаль мнѣ готовые палочки и спросилъ: годятся-ли *вамъ* такія?

— То есть кому это вамъ? Мнѣ съ Лариссой?

— Зачѣмъ съ Лариссой? спросилъ онъ и покраснѣлъ до ушей.

— Это ужъ безъ меня выучили тебя говорить мнѣ *вы*? Не слушай впередъ бабьяго вздору, Лаврикъ, никогда не говори мнѣ вы, я вѣдь одинъ.

— Ну хорошо, сказалъ онъ.

— Палочки твои сработаны отлично, словно точеные, спасибо. Ты потомъ увидишь, что строгалъ ихъ не для *васъ*, а для *насъ*, т. е. для меня съ тобой

Послѣ обѣда Лаврикъ отправился въ баню и когда вернулся оттуда и предсталъ передо мною въ чистой рубахѣ и полосатыхъ шароварахъ, я его едва узналъ. Это былъ, правда, тотъ-же дикарь, но дикарь-красавецъ. Освобожденное отъ слоя грязи и пыли лицо его оказалось нѣжнымъ и чрезвычайно привлекательнымъ; худощавое, овальное, оно отличалось тонкими, правильными чертами; изъ подъ

темныхъ, точно нарисованныхъ бровей смотрѣли хотя нѣсколько угрюмые, но необыкновенно выразительные каріе глаза. Волосы были расчесаны безъ пробора; спереди они закрывали весь лобъ до бровей ровнымъ обрѣзомъ, а по бокамъ спускались ниже ушей; эта прическа придавала физиономіи Лаврика весьма оригинальный видъ

— Ну, ладно, сказалъ я, пойдешь теперь и посмотри какъ я стану цвѣты садить, а завтра ты станешь помогать мнѣ.

На теплой лежанкѣ въ моемъ кабинетѣ стояли ящики набитые землей и покрытые мокрыми тряпками. Когда я снялъ одну тряпку, подъ ней оказались молоденькіе всходы разныхъ лѣтниковъ.

Я велѣлъ Лариссѣ принести съ чердака цвѣточные горшки и землю, просѣялъ эту землю, сталъ набивать ею горшки и высаживать всходы.

— Теперь и я могу дѣлать, сказалъ Лаврикъ.

— Ну, попробуй.

Онъ принялся за работу съ величайшимъ вниманіемъ и аккуратностью, какъ будто исполнять ее ему приходилось уже не одинъ разъ.

— Ты знаешь-ли, что это за травиночки и къ чему они высаживаются?

— Гдѣ мнѣ знать? Вижу только, что не морковь, не капуста, не рѣдька, а что-то другое.

— Да, тутъ съѣдобнаго ничего нѣтъ. Это все для глазъ.

— Для чего? переспросилъ онъ.

— Изъ этихъ травиночекъ выростутъ большіе и красивые цвѣты и мы будемъ на нихъ любоваться.

— Это хорошо, сказалъ онъ; а скоро они расцвѣтутъ?

— Если будемъ ухаживать за ними внимательно, то станутъ расти быстро и расцвѣтутъ скоро.

— Ты ужъ дай это мнѣ.

— Хорошо, но вѣдь ты многого не знаешь, потому я стану наблюдать и показывать тебѣ.

-- А долго-ли они будутъ цвѣсти?

-- До осени, а осенью все умрутъ.

— Умрутъ?

— Ну да, вѣдь они тоже живые, рождаются и умираютъ, какъ и все на свѣтѣ.

— Это правда, я самъ объ этомъ думалъ.

На другое утро, когда я всталъ, нѣсколько десятковъ горшковъ съ высаженными въ нихъ цвѣтами стояли уже по ранжиру вдоль стѣны столовой. Я осмотрѣлъ ихъ, все было сдѣлано очень хорошо.

Когда самоваръ поставили на столъ, я сказалъ:

— Садись, Лаврикъ, я тебя научу, какъ чай заваривать и разливать, ты ужь потомъ самъ это дѣлай, а я вотъ возьму книжку и почитаю.

— У тебя много книгъ. Ты продаешь ихъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ-же, я не торговецъ.

— Неужто-же ты всѣ эти книги прочиталъ?

— Всѣ прочиталъ.

— А это какая-же у тебя книжка?

— Евангеліе.

— Это чего?

— Евангеліе; развѣ ты не знаешь евангелія?

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ, смягчая, по обыкновенію послѣднюю согласную и замоталъ головой.

— Неужто не слыхалъ, что есть такая книга: евангеліе? А въ церкви діаконъ говоритъ: святаго евангелія чтеніе?...

— Нѣтъ, твердилъ онъ.

— Да ты шутишь, Лаврикъ, ты бывалъ вѣдь въ церкви?

— Бывалъ, да рѣдко.

— Но все таки бывалъ? Что-же тамъ видѣлъ?

Онъ молчалъ.

— Что-же дѣлаютъ попь да діаконъ?

— Поютъ.

— А люди, прихожане?

— Молятча.

— Ну, а развѣ ты не видѣлъ, что діаконъ выноситъ книгу и читаетъ?

— Видѣлъ, что выноситъ, да не книгу.

— А что же?

— Вотъ книга, отвѣтилъ онъ, указывая на маленькій томикъ, который я держалъ въ рукахъ, а то не книга.

— А что-же?

— Не знаю.

— Развѣ попы не бываютъ у васъ въ деревнѣ, не читаютъ по книжкѣ молитвы?

— Нѣтъ. Попы къ намъ заѣдутъ, петровшину или шшо другое соберутъ и дальше ѣдутъ.

— Неужто-же они никогда не говорятъ съ вами о Богѣ, объ Иисусѣ Христѣ?

— Попы-те? Пошшо?

— Да что ты, Лаврикъ! Мнѣ сдается, ты просто морочишь меня...

— Это цево?

— Да ты знаешь, кто былъ Иисусъ Христосъ?

— Нѣтъ.

— Посмотри-ка на меня, Лаврикъ.

— Ну? спросилъ онъ и взглянулъ на меня яснымъ, спокойнымъ взглядомъ.

— Повтори-ка эти слова: Иисусъ Христосъ.

Онъ повторилъ съ трудомъ, какъ повторяютъ люди, незнакомыя имъ, *иностранныя* слова. Вотъ такъ казусъ! подумалъ я.

Я досталъ изъ книжнаго шкафа Новый Завѣтъ, на переплетѣ котораго былъ вытисненъ золотой крестъ и показалъ Лаврику.

— Это что такое?

Онъ молчалъ.

— Что это за фигура, за знакъ, для чего онъ?

Онъ думалъ, очевидно затрудняясь отвѣтомъ, и сказалъ наконецъ: гля басы́ (т. е. для украшенія).

— А ты умѣешь креститься, Лаврикъ? ну-ка, перекрестись.

Онъ перекрестился всей ладонью немного согнутой.

— А ты молишься Богу?

— Молюсь.

— О чемъ-же ты молишься?

— Чтобы Богъ далъ здоровьца тятѣ.

— Ну а о' себѣ?

— Чтобы и мнѣ Богъ далъ здоровьца и ума.

— Ну а за христіанъ, за ближнихъ своихъ?

— За хресьянъ? переспросилъ онъ, не зная слова христіанинъ и думая, что я спрашиваю про крестьянъ, — нѣтъ, всякъ хресьянинъ самъ за себя молитча.

— Кто-же тебя выучилъ молиться?

— Тятя.

— А молитвъ не знаешь: Отче нашъ, Богородице?..

— Нѣтъ.

Оказывалось на повѣрку, что Лаврикъ былъ чистый язычникъ. Изъ послѣдующихъ бесѣдъ выяснилось, что, не имѣя понятія о Спасителѣ, Лаврикъ и о Богѣ имѣлъ самыя смутныя понятія, вѣрнѣе никакихъ. Весь его нравственный міръ держался на любви къ тятѣ. Тятя сказалъ: Лаврикъ, не лги, не обманывай, не бери чужаго и Лаврикъ, какъ я убѣдился, соблюдалъ эти отцовскія заповѣди чрезвычайно строго и свято. Онъ вѣрилъ въ существованіе дьявола (котораго звалъ «онъ») и въ то, что дьяволъ смущаетъ человѣка на дурныя дѣла, но вѣра въ домовыхъ, лѣшихъ, кикиморъ и т. п. была въ немъ довольно слаба, по крайней мѣрѣ онъ ихъ не боялся; впрочемъ, отказывался ийти вечеромъ одинъ въ баню и мнѣ не совѣтовалъ ходить по вечерамъ, потому что «напугать можетъ». Въ заговорахъ и колдовствѣ онъ не сомнѣвался и ненавидѣлъ старухъ, всѣхъ безъ исключенія, говоря, что если и не всѣ онѣ «вѣлмы», то всѣ подозрительны.

IV.

Немного встрѣчалось мнѣ людей въ жизни, которые умѣли такъ скоро завоевать мои симпатіи, какъ умѣлъ это Лаврикъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, немного было людей, въ опредѣленіи истиннаго характера которыхъ я такъ путался, какъ въ опредѣленіи натуры Лаврика, не смотря на то, что жилъ онъ у меня два года и что у него не было отъ меня тайнъ, что онъ весь былъ тутъ, какъ какая нибудь клѣточка подъ микроскопомъ.

Въ самомъ началѣ я думалъ, что Лаврикъ — ограниченный умственно дикарь. Однако, оказалось, что дикарь онъ лишь въ моемъ домѣ, передъ моими вещами и книгами, передъ моими обычаями и привычками, передъ моимъ умственнымъ кругозоромъ, но въ своей сферѣ — нѣтъ, а «что есть истина?» Нормаленъ ли я въ своей обстановкѣ, со своими убѣжденіями и понятіями, со своимъ развитіемъ, или же нѣтъ, а, напротивъ, нормаленъ онъ со своими убѣжденіями, понятіями и развитіемъ. Это вопросъ.

Присмотрѣвшись къ Лаврику, я рѣшилъ, что онъ -- человѣкъ съ довольно холоднымъ сердцемъ, мало чувствительный и впечатлительный, относящійся равнодушно къ чужому горю и страданіямъ, порою даже жестокій, не отзывчивый на ласку, не склонный къ привязанности.

Оказалось, что и это ошибка. Лаврикъ былъ только остороженъ и сдержанъ, но когда убѣдился вполнѣ, что я не намѣренъ держать его какъ батрака и обращаться съ нимъ какъ съ холопомъ, что я довѣрилъ ему и домъ мой и имущество, что я представилъ ему (съ уходомъ Лариссы) распоряжаться хозяйствомъ и вести его по своему усмотрѣнію, наконецъ, что я люблю его искренно и нелицемѣрно, онъ тогда только открылся и я увидѣлъ въ его душѣ безграничный міръ любви, безпредѣльной нѣжности и преданности, которыхъ и предположить даже было невозможно въ сердцѣ дикаго деревенскаго мальчика.

Наконецъ, убѣдившись въ ошибочности своихъ воззрѣній на Лаврика какъ на неразвитаго и грубаго дикаря, я впалъ въ другую крайность, я готовъ былъ считать его непогрѣшимымъ, свободнымъ отъ увлеченій, уравновѣшеннымъ субъектомъ, но увы, ошибся и въ этомъ. У Лаврика были свои грѣшки, свои слабости и недостатки, пристрастія, увлеченія, даже крайнія.

Приходившихъ ко мнѣ гостей Лаврикъ всегда оглядывалъ съ большимъ любопытствомъ и имѣлъ терпѣніе выстаивать по долгу у косяка въ сосѣдней комнатѣ, слушая наши разговоры, хотя многое въ этихъ разговорахъ должно было оставаться ему совершенно непонятнымъ. Если человѣкъ ему нравился, то онъ былъ съ нимъ до

тонкости вѣжливъ и деликатенъ, если не нравился, то Лаврикъ хмурился и съ усиленіемъ скрывалъ свое неудовольствіе въ присутствіи нелюбимаго человѣка. Къ любезности и ласковому слову посторонняго лица онъ относился осторожно и даже недовѣрчиво, съ женщинами же, которыхъ онъ вообще считалъ существами ограниченными и ничтожными, бывалъ порою непозволительно невѣжливъ.

Одна барыня, жившая со мною по сосѣдству, пожаловалась мнѣ однажды, что Лаврикъ, влѣзши на заборъ ея сада, гдѣ она въ это время сидѣла и читала книгу, сдѣлалъ ей замѣчанія, сказавъ: что же у васъ «безъ пути» цвѣты-то насажены? развѣ можно розовые вмѣстѣ съ желтыми садить? Она назвала его за это мужикомъ и велѣла убираться съ ея забора, а онъ, сѣвши на заборъ спиной къ ней, сталъ свистать.

Я сдѣлалъ Лаврику выговоръ, не за замѣчаніе его о цвѣтахъ, а за то, что онъ безъ разрѣшенія влѣзъ на заборъ и былъ въ саду

— Какъ! воскликнулъ Лаврикъ, я не былъ у нея въ саду!

— Голова то твоя была же въ саду?

— Да, голова-то моя была, согласился онъ.

— Ну, а ты разсуди, если бы кто съ улицы сунулъ голову къ намъ въ окно, когда ты сидишь дома и занятъ дѣломъ, ты бы какъ эту голову принялъ?

— Я бы ей отвѣсилъ съ фунтъ воть этого, отвѣтилъ онъ, показывая кулакъ.

— Значить, ты былъ совершенно неправъ. Ты бы долженъ былъ сказать вѣжливо: позвольте мнѣ, сударыня, заглянуть къ вамъ въ садъ и посмотрѣть на ваши цвѣточки? Она бы отвѣтила: сдѣлайте одолженіе, Лавръ Ивановичъ, смотрите сколько угодно, и еще подарила бы тебѣ цвѣточекъ.

— Да, да! сказалъ онъ задумчиво, разумѣется, я сдѣлалъ неладно, но ужъ этого не поправитъ...

— Отчего не поправитъ? Можно извиниться.

— Ну ужъ нѣтъ!

— Нехорошо, Лаврикъ.

— Ужъ если ты велишь извиниться, такъ я извинюсь, пожалуй, только разговаривать не стану.

— Да вѣдь нельзя же извиниться, ни слова не говоря?

— Я и скажу: извините.

— И больше ничего?

— Больше ужъ ни словечка не прибавлю.

Видя, что Лаврикъ охотно занимается хозяйствомъ и присматривается со вниманіемъ къ тому, какъ и изъ чего Ларисса готовить обѣдъ, я какъ-то спросилъ его: ты, я вижу, Лаврикъ, охотно помогашь Лариссѣ стряпать, не хочешь ли самъ, безъ нея, попробовать сварить щи, зажарить мясо или рыбу? Вѣдь если и испортить, это не бѣда.

Щеки его покрасились румянцемъ и онъ отвѣтилъ съ отгѣнкомъ ироніи: куда ужъ мнѣ стряпать! испорчу только доброе, да *васъ* въ убытокъ введу.

Занятый посторонними мыслями, я какъ-то мало обратилъ вниманія на отвѣтъ и на иронію Лаврика и позабылъ о нихъ. Но черезъ нѣсколько дней Лаврикъ доказалъ мнѣ, что вопросъ о стряпнѣ занималъ его давно, что онъ считалъ себя способнымъ замѣнить Лариссу, какъ кухарку, и что ему до крайности этого хотѣлось.

Былъ у меня знакомый помѣщикъ, по фамиліи Моревъ, человѣкъ пустой, безхарактерный и безалаберный, но въ то же время глубоко несчастный, достойный всякаго сожалѣнія. О немъ въ средѣ городского общества высказывались самыя противоположныя мнѣнія, какъ и слѣдовало ожидать, потому что въ натурѣ Морева боролись два противоположныхъ элемента. Онъ могъ обмануть, обогатить, оклеветать самаго достойнаго человѣка, не считая этого за низость и черезъ часъ забывалъ о своемъ проступкѣ, и въ то же время онъ не жалѣлъ ни средствъ своихъ, ни силъ, если являлась возможность оказать матеріальную поддержку бѣдствующему человѣку. Съ психической стороны это былъ субъектъ для наблюденія крайне интересный, но я не имѣю въ виду о немъ распространяться. Я упомянулъ о немъ въ своемъ разсказѣ не ради его самого, а ради характеристики Лаврика, такъ какъ меня поразило то, что Лаврикъ разгадалъ этого человѣка сразу, не смотря на то, что безобразная въ нравственномъ отношеніи личность Морева прикрывалась красивою маскою простоты въ обращеніи и откровеннаго добродушія.

Моревъ жилъ въ своей усадьбѣ и, нрѣзжая по временамъ въ городъ, заходилъ ко мнѣ. Такъ однажды онъ зашелъ и засидѣлся, болтая со мной и заговаривая съ Лаврикомъ, который его видимо заинтересовалъ. Узнавъ, что Лаврикъ умѣетъ столярничать, Моревъ обѣщаль привезти въ слѣдующій разъ и подарить Лаврику полную коллекцію столярныхъ инструментовъ.

Пришло время обѣда и Моревъ сѣлъ со мной за столъ. Ларисса подала щи, сваренныя недурно, но за ними послѣдовали котлеты — подгорѣлыя и жесткія до такой степени, что нельзя было взять ихъ въ ротъ.

Я взялъ одну изъ этихъ котлетъ въ пальцы и сказалъ: должно быть такой котлетой моей Лариссѣ и вышибъ кто нибудь глазъ...

Моревъ покатился со смѣху, а Лаврикъ наклонился къ моему уху и прошепталъ: разрѣшите, я вамъ сдѣлаю *паклеты*...

— Валяй Лаврикъ, отвѣтилъ я. Лаврикъ исчезъ и черезъ полчаса на столъ явились двѣ превосходныхъ котлеты. Моревъ всплеснулъ руками.

— Да это чистое сокровище, вапъ. Лаврикъ! я у васъ его отниму.

— Отнимать можно вещи и ... женъ, но нельзя отнять самостоятельнаго человѣка.

— Лавръ... какъ его по батюшкѣ?

— Ивановичъ.

— Лавръ Ивановичъ, пожалуйста сюда, мнѣ хочется съ вами побесѣдовать... Лаврикъ подошелъ и взглянулъ на Мореву довольно угрюмо.

— Садитесь вотъ сюда на стуликъ.

— Ницево, я постою, сказалъ Лаврикъ.

— Садись же, садись...

— Нѣтъ.

— Ой, да какой ты упрямый! Ну хорошо, скажи же мнѣ, кто тебя выучилъ дѣлать котлеты?

— Видѣлъ, какъ дѣлаютъ, и я сдѣлалъ.

— Это ты вздоръ говоришь, потому что если бы сдѣлалъ такъ, какъ Ларисса сдѣлала, мы бы тоже ихъ ѣсть не стали...

—Такъ она дѣлала неладно...

—Должно быть, какъ онѣ жарились, она на тебя засмотрѣлась, котлеты-то и подгорѣли...

Эта шутка Лаврику не понравилась и онѣ вдругъ брякнулъ: вишь, садиться-то и не стоило!

—О, да ты, милый мой, остроумецъ, да еще и шепетильный!

Лаврикъ повернулся и вышелъ изъ столовой.

По уходѣ Морева, я сказалъ Лаврику: Моревъ вѣдь добрый человѣкъ; онѣ общалъ тебѣ столярные инструменты и привезеть, а ты къ нему не ласковъ.

—Невѣрный человѣкъ твой Моревъ, сказалъ Лаврикъ.

Въ слѣдующій свой прѣздъ въ городъ Моревъ опять зашелъ ко мнѣ, конечно безъ инструментовъ, о которыхъ и не упомянулъ, но тотчасъ же освѣдомился о Лаврикѣ.

—Онѣ въ кухнѣ, сказалъ я.

Моревъ позвалъ Лаврика, тотъ не откликнулся, Моревъ пошелъ въ кухню, но Лаврикъ выскочилъ въ сѣни и исчезъ.

—Какой дикарь! воскликнулъ Моревъ, а все таки ужасно интересный. Право, отдайте его мнѣ.

—Возьмите у меня Лариссу, сказалъ я въ шутку.

—Благодарю покорно! Этихъ дурь у меня у самого полонъ домъ. Нѣтъ, серьезно, уступите его мнѣ.

—Оставимте лучше этотъ разговоръ, онѣ что-то пахнетъ крѣпостнымъ правомъ. Все равно, Лаврикъ къ вамъ не пойдетъ.

-- Это почему?

—Да потому, что вы ему не нравитесь.

—Должно быть вы меня хорошо ему отрекомендовали? спросилъ Моревъ начиная раздражаться.

Я постарался перевести разговоръ на другую тему. Моревъ, просидѣвъ съ четверть часа, собрался уходить. Въ эту минуту вошелъ Лаврикъ и подалъ мнѣ письмо.

—А! вотъ онѣ гдѣ! воскликнулъ Моревъ, ну, я тебя сейчасъ и увезу...

—Какъ же ты меня увезешь? я не полѣно, что меня можно взять да въ телѣгу бросить...

— Я тебя и не брошу въ телѣгу, а посажу въ тарантасъ. Неужели ты ко мнѣ не пошелъ бы жить, если бы я тебя взялъ на большое жалованье?

— Не надо мнѣ твоего жалованья.

— Да вѣдь ты здѣсь-то за жалованье-же служишь?

— Ты, можетъ, за жалованье служишь, а я могу служить и безъ жалованья.

— Вотъ онъ каковъ народецъ-то нынче, сказалъ Моревъ злобно. Можно ли подумать, что человѣка на улицѣ подняли!

— Тебя, можетъ пьянаго на улицѣ поднимаютъ, а меня еще не подымали! закричалъ Лаврикъ. Онъ весь дрожалъ отъ гнѣва и щеки его пылали.

— Нельзя ли прекратить эту глупую сцену, сказалъ я Мореву. Лаврикъ, уйди!

— Глупую сцену? спросилъ Моревъ, нахмуривъ брови. Я, напротивъ, не ожидалъ, что будучи гостемъ въ вашемъ домѣ, наслушаюсь дерзостей отъ вашего слуги!..

Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью.

V.

Выйдя какъ-то за городъ для прогулки вмѣстѣ съ Лаврикомъ, я спросилъ: скажи мнѣ Лаврикъ, ты бы управился одинъ съ хозяйствомъ?

— Ну какъ не управился бы! отвѣтилъ онъ.

— Такъ я отпущу Лариссу, а ты хозяйничай какъ знаешь. Мнѣ почему-то кажется, что тебѣ одному хотѣлось-бы хозяйничать...

— Да, отвѣтилъ онъ, взглянулъ на меня и разсмѣялся. Ты какъ объ этомъ догадался?

— Ужь и самъ не знаю, какъ.

— Ахъ ты! воскликнулъ онъ и взялъ меня подъ руку, но тотчасъ-же и отдернулъ свою руку.

— Чтó, горячо?

— Не горячо, а какъ ты это слово говорилъ? Не-при-лично...

Лариссу я отпустилъ и Лаврикъ принялъ хозяйство въ свои руки. И какъ онъ его повелъ толково, практично и добросовѣстно — я только дивился. Не зная цифръ, Лаврикъ заносилъ расходъ посредствомъ нарѣзокъ на палочкахъ (бирьки), но скоро выучился считать и писать цифры и тогда сталъ все записывать въ книгу, которая содержалась у него въ образцовомъ порядкѣ.

Здѣсь я приведу небольшія выписки изъ своего дневника, которыя охарактеризуютъ Лаврика и его отношенія къ дѣлу и ко мнѣ лично.

Лаврикъ — человекъ нервный въ лучшемъ значеніи этого слова. Всякое взятое имъ на себя дѣло, будь это мытье посуды, чистка сапогъ, пересадка цвѣтовъ — событіе. Какъ-то я сказалъ: когда у насъ будетъ вечеромъ самоваръ, надо не забыть отлить теплой воды для поливки двухъ цвѣтковъ наверху, я это забылъ сдѣлать давеча. Лаврикъ ничего не отвѣтилъ, но до вечерняго самовара онъ *мучился* мыслію полить два несчастныхъ цвѣтка наверху.

Степановъ (статскій генералъ, начальникъ того учрежденія, гдѣ я служилъ), сталъ его личнымъ врагомъ, потому что когда Степанова въ городѣ нѣтъ, то я прихожу со службы домой аккуратно въ половинѣ втораго и къ моему приходу все готово, но когда Степановъ въ городѣ, то я говорю обыкновенно, уходя: ну, Лаврикъ, сегодня я вернусь домой въ два, можетъ въ половинѣ третьяго, а можетъ и въ три. И Лаврикъ буквально блѣднѣетъ отъ ужаса. Онъ нарочно ходилъ «высматривать» Степанова, чтобы убѣдиться, что это — драконъ, который нарушаетъ порядокъ дня, который бываетъ причиной невообразимаго несчастія: переварки «какаронъ» или пережаренія «паклетъ».

Рыба передъ жареньемъ обваливается въ мукъ. Какъ-то Лаврикъ объявляетъ, сконфуженный, что муки нѣтъ и достать негдѣ: сегодня праздникъ и лавки заперты.

— Такъ возьми булку, высуши ее въ печкѣ и когда высохнетъ — истолки.

— А чѣмъ истолочь?

— Каблукомъ, говорю я въ шутку.

Лаврикъ укоризненно покачивая головой, замѣчаетъ: другой разъ не извольте такъ говорить!

— Пестомъ въ ступкѣ, Лаврикъ.

— Вы изволили забыть, что ступка расколота? Не сами-ли вы смѣялись, что Ларисса заглянула въ ступку, а та и лопнула.

— Ну, такъ я ужъ не знаю, Лаврикъ, что и придумать...

По возвращеніи моемъ домой, Лаврикъ встрѣчаетъ меня съ сіяющимъ лицомъ и объявляетъ, что онъ не толочь сухари, а измолоть ихъ въ кофейной мельницѣ и результаты получились превосходные.

Я погладилъ его по головѣ и сказалъ: какой ты умный мальчикъ, Лаврикъ, я просто не могу нарадоваться.

На Лаврика такъ подѣйствовала эта ласка и похвала, что онъ вдругъ потерялъ аппетитъ и не могъ обѣдать.

Какъ-то я проснулся раньше обыкновеннаго, всталъ, одѣлся и вошелъ въ кухню, гдѣ Лаврикъ спалъ. Онъ вдругъ вскочилъ, какъ ужаленный и устремилъ на меня взглядъ полный такого страха, что я самъ испугался.

— Что ты, Лаврикъ, успокойся, говорилъ я, сѣвъ къ нему на постель. Ну что за важность, вѣдь еще очень рано. Мнѣ не спалось сегодня.

Но ничто не могло его утѣшить. На его подвижномъ лицѣ выражалось грустное сознаніе, что вотъ я сейчасъ умоюсь, и самоваръ не будетъ готовъ къ тому моменту и онъ подастъ мнѣ его «безумывшись» и «грязныма рукама».

Другой разъ я отъ души смѣялся по слѣдующему поводу. Возвращаясь я со службы въ резиновыхъ калошахъ и потому неслышно подошелъ къ дверямъ кухни; двери эти были отворены настежь. Смотрю, Лаврикъ лежитъ на полу, на спинѣ, головой къ двери, положивъ руки подъ голову и ведетъ самъ съ собой разговоръ:

— Я пойду и скажу: ваше пресво... присхо... восхо... (плюеть; очевидно, хочетъ произнести превосходительство и не можетъ), скажу: господинъ присѣдатель! пошшо вы изволите задерживать въ вашемъ правленіи до трехъ часовъ моего Никанорущку Александровица! Нельзя-ли быть повѣшливѣе и отпушшать моего голубчика, мою тысячу, моего мильвончика пораньше... (грубымъ голосомъ) ахъ ты, такой сякой!— Никакъ нѣтъ, я не такой-сякой, а я называюсь Лавръ Ивановичъ и вы извольте быть повѣшливѣе и ручкима вашима не размахивать...

Я потихоньку отступилъ назадъ, боясь испугать Лаврика неожиданнымъ появленіемъ и кашлянулъ.

Лаврикъ вскочилъ и встрѣтилъ меня въ сѣняхъ. Я не подавъ было виду, что слышалъ что нибудь, но вечеромъ не утерпѣлъ и началъ рассказывать Лаврику: сегодня, Лаврикъ, я пришелъ къ генералу и говорю: нельзя-ли, ваше превосходительство, отпустить меня пораньше потому что у меня Лаврикъ сердится, если я прихожу поздно. А онъ мнѣ отвѣчаетъ: а мнѣ какое дѣло до вашего Лаврика ахъ онъ такой-сякой! Я говорю: нѣтъ, извините, ваше превосходительство, онъ не такой-сякой, а...

Лаврикъ, начавшій меня слушать съ любопытствомъ, вдругъ догадался въ чемъ дѣло, закрылъ лицо руками, бросился въ кухню и влѣзъ на полати... Я насилу могъ вызвать его оттуда.

Любознательности онъ проявляетъ мало. Начнешь рассказывать ему что нибудь, онъ слушаетъ внимательно, но безъ особеннаго любопытства. Какъ-то я сталъ читать ему одинъ живой и интересный рассказъ. Онъ слушалъ нѣсколько минутъ, вдругъ вскочилъ и пошелъ въ сосѣдную комнату.

— Что случилось? спрашиваю. — А я думалъ, чтобы сапоги твои (только до того вычищенные) не «искастились» (т. е. не запачкались), такъ завернулъ ихъ въ «газетъ». Чтеніе мое изъ священной исторіи о страданіяхъ Спасителя вызвало его восклицаніе.

Онъ началъ у меня учиться читать и писать, но это ученіе шло не особенно быстро; онъ смотрѣлъ на него какъ на дѣло побочное, какъ на забаву, пожалуй. Впрочемъ первыя слова, прочтенныя имъ самостоятельно, привели его въ восхищеніе. Я лежалъ на кушеткѣ, какъ Лаврикъ вошелъ ко мнѣ съ книжкой въ рукахъ, сталъ на колѣни передъ кушеткой и сказалъ: а я разобралъ, что тутъ написано!

— Ну и что-же вышло?

— Русское мысло!

Получавшіеся мною съ каждой почтой номера «Новаго Времени» долго возбуждали недоумѣніе Лаврика; онъ полагалъ, что мнѣ при-сылаются каждый разъ одинаковые листы, т. е. на каждомъ листѣ «Новаго Времени» напечатано одно и то же, и не могъ понять,

какой интерес нахожу я, читая постоянно это одно и то же. Съ трудомъ могъ я объяснить ему, что рассказы все разные. Онъ съ сомнѣніемъ покачивалъ головой и возражалъ: зачѣмъ-же на каждомъ листѣ стоитъ «Новое Время» и «Новое Время», если рассказы разные и, наконецъ, откуда-же набираютъ столько рассказовъ, чтобы наполнить 28 огромныхъ страницъ въ недѣлю?

Гулять одинъ онъ почти никогда не выходилъ, но если я приглашалъ его съ собою, глаза его загорались отъ восторга и онъ сейчасъ-же бѣжалъ умываться, хотя-бы въ этомъ не было никакой надобности. Одинъ онъ выходилъ чтобы пройтись недалеко по улицѣ и посидѣть гдѣ нибудь на палисадникѣ, но непременно такъ, чтобы имѣть домъ въ виду. Онъ до того былъ погруженъ постоянно въ интересы минуты, что все внѣшнее его мало и привлекало, исключая одного обстоятельства, о которомъ я расскажу ниже.

Лаврикъ былъ разговорчивъ, но не болтливъ и осуждалъ эту слабость въ людяхъ. Онъ любилъ рассказывать и передавалъ съ полной откровенностью и свои семейныя тайны и собственные секреты. Въ его рассказахъ, всегда правдивыхъ и образныхъ, меня поражало не рѣдко жестокое отношеніе народа къ своимъ ближнимъ, особенно къ женщинамъ и дѣтямъ женскаго пола, «дѣвчонкамъ», какъ ихъ называютъ.

— Мы какъ-то съ товарищемъ поѣхали черезъ рѣку въ лодкѣ, рассказывалъ Лаврикъ, и взяли съ собою дѣвчонку лѣтъ трехъ, которую знакомая баба просила отвезти къ матери. Вѣтеръ дулъ сильный, насъ качало, а дѣвчонка ревить. Я ее пристрашалъ, говорю: молчи, дьяволенокъ, не то въ воду брошу. Рѣка-то противъ нашей деревни двѣ версты шириной и до того-же эта дѣвчонка намъ надоѣла! Къ берегу мы подѣхать не могли, потому что мелко очень, пришлось тащить лодку. Я говорю: Катъка, выходи вонъ, добредешь! а она не хочетъ. Я ее высадилъ въ воду, да еще шлепка весломъ далъ, она закинула рубашонку на голову и побрела.

— Какъ-же вамъ не совѣстно было? спросилъ я; развѣ не могли ее оставить въ лодкѣ и подтащить, тяжела-ли дѣвчонка!

— Тяжела-ли? какъ ты думаешь: пуда два, шутка тащить!

— Ну что-же, она выбрела?

— Выбрестъ-то выбрела, только съ перепугу-ли, отъ простуды-ли захворала и померла.

— Ахъ вы разбойники!

— Да что ихъ жалѣть, дѣвчонокъ-то, отвѣтилъ Лаврикъ хладнокровно. И matka-то ее не очень жалѣла.

Въ томъ краю, откуда Лаврикъ былъ родомъ, живетъ не мало раскольниковъ. Иные изъ этихъ людей, уходя въ лѣса за много верстъ «искать праведной вѣры», какъ они выражаются, строятъ тамъ скиты и живутъ.

По поводу нѣмецкаго языка мнѣ не забыть никогда одного вечера. Моя мать пріѣхала ко мнѣ въ гости. Мы съ нею изрѣдка перекидывались нѣмецкими фразами. Лаврикъ это слышалъ и улыбался. Онъ принималъ это за шутку, т. е. думалъ, что мы, какъ это дѣлаютъ нерѣдко дѣти, играя другъ съ другомъ, начнутъ подбирать и произносить несуществующія слова, такъ, ради забавы и смѣху. Но вотъ получивши съ почты мемуары Генриха Гейне, которые я до того не читалъ, предложилъ матери читать книгу по очереди вслухъ.

Мы усѣлись въ кабинетъ. Я началъ чтеніе первый. Лаврикъ, услышавъ, что читаютъ что то, пришелъ изъ кухни и остановился въ дверяхъ кабинета, прислонившись плечомъ къ косяку. Я взглянулъ на него: онъ улыбался.

Я продолжалъ чтеніе. Лаврикъ подошелъ ко мнѣ, заглянулъ сперва въ книгу, потомъ мнѣ въ лицо и засмѣялся.

Кончивъ главу, я передалъ книгу матери. Лаврикъ слушалъ ее нѣсколько минутъ, вдругъ брови его нахмурились, онъ сдѣлалъ «тьфу!» пошелъ въ кухню и затворилъ за собою дверь.

Оказалось на повѣрку, что Лаврикъ зналъ о существованіи одного только «не нашего» языка — зырянскаго. Онъ видывалъ зырянъ и слышалъ, какъ они «лепечуть», но не признавалъ этого лепетанья за языкъ, а относился къ нему какъ къ сорочьему стрекотанью, вороньему карканью, собачьему лаю. И вдругъ серьезные люди — мужчина и старуха берутъ книгу и начинаютъ бормотать. Естественно, всѣ эти смѣшныя слова они придумываютъ сами и дѣлаютъ это съ пѣлью пошутить, посмѣшить другъ друга и его, Лаврика. Но проходитъ часъ и больше, шутка что-то ужъ очень затягивается и пре-

вращается въ глупость, въ издѣвку надъ нимъ, Лаврикомъ. А такъ какъ Лаврикъ очень обидчивъ, то плюетъ и уходитъ.

Я писалъ тогда въ своемъ дневникѣ: подумать только, какъ я теперь живу и до чего допускаю баловать себя! Лишь только всталъ съ постели, самоваръ уже готовъ. Умываюсь самой холодной водой (этотъ желаемый холодъ воды поддерживается все лѣто съ замѣчательной заботливостью), беру книгу и сажусь пить чай. Стаканъ поставленъ передо мной; подлѣ него положены напирасы и спички. Когда иду на службу, на мнѣ все чисто до блеска, до сіянія. Если погода «склонна къ дождю» передъ моимъ носомъ поставлены калоши — правая направо, лѣвая налѣво, въ руку мнѣ подается зонтикъ, у котораго резинка уже спущена, если дождь идетъ. На службѣ я сижу и знаю, что когда вернусь домой, то обѣдъ уже на столѣ, и если день почтовый, то газеты положены подлѣ тарелки. Тарелки безукоризненно чисты, кушанье изготовлено отлично и въ немъ нѣтъ ни мухъ, ни таракановъ, ни мочалокъ.

Лаврикъ, пообѣдавъ и убравъ посуду, приходитъ умытый, причесанный, съ руками до того тщательно вышарканными, что самъ смотритъ на нихъ и любитъ и начинаетъ читать вслухъ или писать. Позанявшись говорить: я схожу куданибудь Это значить, что онъ отправится къ воротамъ, посидитъ тамъ или дойдетъ до моста и вернется. Вечеромъ я занимаюсь; онъ сидитъ подлѣ меня и тоже чтонибудь дѣлаетъ. Въ девять часовъ начинаетъ хлопать глазами, лицо его становится до того несчастнымъ, что я не могу не смѣяться.

— Что-же ты сидишь и маешься? Иди, ложись съ Богомъ.

— Да, ужъ я пойду, отвѣчаетъ онъ плачевнымъ голосомъ, подаетъ мнѣ руку и уходитъ.

Привязанность его къ вещамъ доходитъ до смѣшного. Шесть пеларгоній раздвѣтаютъ и всѣ оказываются розовыми. Я говорю: слушай, Лаврикъ, двѣ мы оставимъ себѣ, а остальные я подарю комунибудь.

Лаврикъ измѣняется въ лицѣ и возражаетъ: зачѣмъ-же дарить?

— На что-же намъ шесть одинаковыхъ?

— Какъ на что? онѣ будутъ у насъ красоваться.

— Развѣ тебѣ жалко отдать?

— Какъ-же не жалко! какъ-же не жалко! восклицаетъ онъ съ нервною дрожью въ голосѣ. Если ты подаришь кому нибудь, я не понесу ихъ.

— Неужели не понесешь, если я велю тебѣ отнести?

— И велишь, да я не понесу, говоритъ онъ поднимая голову и сверкая глазами.

— Нехорошо, Лаврикъ! Что-жъ, я самъ отнесу.

Онъ задумывается и произноситъ тихонько: а я не дамъ.

— Какъ-же не дашь? вѣдь онѣ мои?

— И твои, да не дамъ, говоритъ онъ почти со слезами.

— Ну, а если промѣнять на другіе цвѣты, какихъ у насъ нѣтъ?

— Это можно, заявляетъ онъ серьезно и прибавляетъ торопливо: только чтобъ были хорошіе!

Смерть одного карася въ акваріумѣ повергла Лаврика въ не-описанное волненіе. Онъ подвелъ меня къ акваріуму, сжалъ ладонями свои щеки и долго стоялъ такъ, вперивъ глаза въ мертвую рыбку, лежавшую на боку на поверхности воды, потомъ отнялъ одну руку отъ лица и потрогалъ карася за хвостикъ, затѣмъ взялъ двумя пальцами за спинку и сталъ водить, какъ будто карась плавалъ самъ, наконецъ махнулъ рукой и отошелъ.

VI.

Зимою слѣдующаго года я долго страдалъ зубною болью, или вѣрнѣе — невралгіей лѣвой половины лица. Послѣ нѣсколькихъ бессонныхъ ночей я ослабѣлъ до того, что едва могъ вставать съ постели, похудѣлъ какъ тяжело больной. Въ эти печальные дни и ночи Лаврикъ ухаживалъ за мной такъ, какъ не могла-бы ухаживать никакая сестра милосердія, такъ что самъ похудѣлъ и ослабъ, изстрадавшись за меня. Ему не вѣрилось, что моя слабость происходитъ единственно отъ бессоницы, онъ думалъ, что во мнѣ кроется какая-то опасная болѣзнь. Мнѣ приходилось насильно посылать его изъ дому прогуляться, и то онъ не всегда слушался, увѣряя, что меня нельзя оставить одного даже на полчаса времени. Онъ ложился спать на полу у моей постели и лишь послѣ усиленныхъ моихъ просьбъ пе-

реходилъ на лежанку тутъ-же въ комнатѣ, спалъ безпокойно, безпрестанно поднимался и спрашивалъ, не надо-ли мнѣ чего.

Въ тѣ ночи, когда я не могъ заснуть можно сказать ни на минуту, онъ, стоя на колѣнахъ у моей постели, дожидался когда приступы боли кончатся и если я говорилъ: ну вотъ теперь, Лаврикъ, легче, теперь я могу опять разговаривать съ тобой, онъ бралъ меня за руку, гладилъ ее и, смотря мнѣ въ лицо со слезами на глазахъ, называлъ меня самыми нѣжными именами и когда запасъ ихъ истощался, придумывалъ свои, такъ что я не взирая на страданія, не могъ не усмѣхаться, слушая его.

Какъ-то возвратясь съ прогулки, Лаврикъ сообщилъ мнѣ таинственно, что въ городѣ есть старикъ, который наговариваетъ на воду и просилъ позволенія сходить къ этому старику съ тѣмъ, чтобы принести воды.

— Полно, Лаврикъ это вздоръ, сказала я.

— Я тебѣ говорю, что не вздоръ, послушайся меня, дружокъ мой, миленькій мой, тысяча моя, послушайся, дай мнѣ сходить, дай, дай, дай!

— Ну хорошо, сходи и принеси.

Лаврикъ схватилъ фуражку, накинулъ свой кафтанчикъ и исчезъ. Черезъ часъ онъ вернулся, неся бережно подъ полой бутылку изъ подъ зельтерской воды.

— Въ стаканъ не наливай, а прямо глотни, слышь, не наливай!...

— Хорошо, хорошо. Ты видѣлъ, какъ онъ заговаривалъ?

— Видѣлъ.

— Что-же онъ говорилъ?

— Онъ читалъ молитву.

— Громко читалъ, или про себя?

— Не шибко. читалъ долго, потомъ сказалъ: возьми, снеси своему барину, Богъ поможетъ, скоро пройдетъ боль. Я ему денегъ давалъ — не береть ни почемъ, не продаю, говорить, молитвы своей, это отъ Бога. А бутылка наша, ты не думай, что грязная какая...

Я глотнулъ изъ бутылки и возвратилъ ее Лаврику. Онъ смотрѣлъ на меня горящимъ взоромъ, точно ожидая, что сейчасъ свершится чудо, что я встану, скажу: ну вотъ теперь все прошло, теперь

стану спать. Но увы! молитва добраго старика была, должно быть недостаточно сильна, я не почувствовалъ ни малѣйшаго облегченія.

— Ну выпей еще, говорилъ Лаврикъ и слезы катились у него изъ глазъ, выпей еще, голубчикъ мой.

Я выпилъ.

— Ну, скажи, полегче-ли тебѣ?

— Нѣтъ, Лаврикъ.

— Ну да ты скажи, все таки скажи, что полегче!...

— Ну полегче, Лаврикъ.

— Засни-же теперь. Онъ окуталъ меня одѣяломъ, самъ сѣлъ въ ногахъ на мою постель и замолкъ. Черезъ минуту голова его склонилась, тѣло перегнулось на бокъ и онъ заснулъ мертвымъ сномъ. Не помню какъ, я заснулъ и самъ. Когда проснулся, было уже свѣтло. Лаврикъ лежалъ на спинѣ съ закинутой головой и храпѣлъ. Боль моя дѣйствительно уменьшилась, только изрѣдка щеку покалывало, точно булавками.

Я лежалъ неподвижно и ждалъ, что Лаврикъ проснется. Онъ открылъ глаза, всталъ потихонько и долго держался руками за голову, которая вѣроятно болѣла отъ прилива крови, потомъ приблизился ко мнѣ на цыпочкахъ, наклонился и прислушался. Я не шевельнулся и не открылъ глазъ. Онъ расправилъ мои волосы, упавшіе на лобъ, прикрылъ мнѣ руки одѣяломъ и, отходя отъ постели, угрозилъ мнѣ пальцемъ, точно хотѣлъ сказать: смотри, не просыпайся.

Я опять заснулъ и проснувшись, увидѣлъ Лаврика умытаго и гладко причесаннаго, стоявшаго у моей постели.

— Ну вотъ, Лаврикъ, мнѣ и полегче.

— Я говорилъ тебѣ: послушайся меня, теперь самъ видишь.

Въ теченіе слѣдующей недѣли боли мои хотя и возвращались, но не съ прежней уже силой и позволяли мнѣ заснуть, а черезъ недѣлю я уже сталъ выходить на улицу. Какъ разъ въ это время случилось происшествіе, поставившее меня въ совершенный тупикъ относительно Лаврика.

Было морозное утро. Мы встали, по обыкновенію, рано. Я стоялъ передъ зеркаломъ и расчесывалъ волосы, Лаврикъ дождался, когда закипитъ самоваръ, чтобы подать его на столъ, какъ вдругъ

ударили въ набатъ. Передо мной какъ метеоръ мелькнуло мертвенно-блѣдное лицо Лаврика, затѣмъ послышался стукъ двери, грохотъ шаговъ на лѣстницѣ и — все затихло.

Я подошелъ къ окну. Дыму нигдѣ не было видно по близости, по улицѣ бѣжалъ народъ. Я стоялъ и ждалъ, что Лаврикъ сейчасъ вернется и скажетъ, гдѣ пожаръ. Но все было тихо. Самоваръ зашипѣлъ и засвистѣлъ. Я прикрылъ его крышкой, поставилъ на столъ и заварилъ чай. Лаврика не было.

Шумъ и говоръ на улицѣ затихли, значить горѣло гдѣ нибудь далеко отъ меня. Я выпилъ стаканъ чаю, Лаврика не было, выпилъ второй и взглянулъ на часы: половина осьмого, Лаврика нѣтъ.

На лѣстницѣ послышались шаги, но это не были шаги Лаврика. Вошелъ знакомый мнѣ фельдшеръ.

— Что-же это у васъ, точно лѣтомъ, всѣ двери настежь? спросилъ онъ.

— Право? То-то я чувствую, что мнѣ холодно ногамъ и не догадываюсь, отчего. Гдѣ это пожаръ?

— Большой пожаръ, я сейчасъ оттуда. Горитъ домъ купца Деснина, не знаю, отстоятъ ли сосѣднѣй домъ.

Я пригласилъ гостя сѣсть и налилъ ему стаканъ чаю. Прощель еще часъ, Лаврика нѣтъ. Мною овладѣло безпокойство. Не случилось ли съ нимъ чего, не задавили ли его какъ нибудь?

— Сходимте на пожаръ, сказалъ я.

Мы одѣлись и вышли; я заперъ домъ на замокъ. Пройдя два квартала и повернувъ за уголь, увидѣлъ вдали горѣвшій домъ.

— Слава Богу, сосѣднѣй-то отстояли, сказалъ фельдшеръ.

Вся улица передъ пылающимъ зданіемъ была запружена народомъ. Я пробирался тихонько въ толпѣ, отыскивая глазами Лаврика, но нигдѣ его не было видно. Отыскавъ полицейскаго и спросилъ: не слыхалъ ли онъ, чтобы кого смяли и задавили? онъ отвѣчалъ отрицательно.

Поглазѣвъ на пожаръ, простился съ фельдшеромъ и пошелъ на службу. Но занятія не шли на умъ. Что это сдѣлалось съ Лаврикомъ и не приключилось ли съ нимъ чего недобраго? эта мысль не давала мнѣ покоя. Если бы онъ вернулся съ пожара, то зашелъ

бы ко мнѣ за ключемъ. Я бросилъ все и опять пошелъ къ мѣсту пожара, чтобы отыскать Лаврика во что бы то ни стало.

Домъ уже догоралъ и публика около пожараща уменьшилась на половину. Зайдя на дворъ, гдѣ стояли пожарныя трубы и работали пожарные, я вдругъ увидѣлъ Лаврика. Онъ сидѣлъ на обгорѣломъ бревнѣ, засунувъ руки въ рукава пальто, съ осунувшимся отъ холода лицомъ и покраснѣвшимъ носомъ.

Я тронулъ его за плечо. Онъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на меня испуганными глазами.

— Пойдемъ домой, Лаврикъ!

Онъ зашурилъ глаза и замоталъ головой.

— Да что ты, Лаврикъ, въ умѣ-ли? Чего тутъ сидишь въ этакой морозъ, да ужъ и смотрѣть-то не на что...

— А вотъ тотъ домъ еще, можетъ, загорится.

Я взялъ его сзади подъ руки и поднялъ съ бревна. Онъ сказалъ: ну, пойдемъ! и пошелъ за мной тихимъ шагомъ, безпрестанно оглядываясь назадъ.

Когда мы вошли въ домъ, Лаврикъ оглядѣлъ кухню, взглянулъ на часы, подошелъ къ самовару, налилъ себѣ стаканъ остывшаго чаю и выпилъ его залпомъ, потомъ взглянулъ на меня какъ-то неприязненно и сказалъ: я пойду.

— Ты, я вижу, совсѣмъ спятилъ, Лаврикъ. Что это съ тобой сдѣлалось? Не изволь никуда ходить, а исполни что надо дома. Чего мы станемъ сегодня обѣдать? Печи у насъ не топлены... что это за срамъ!

Онъ пошелъ въ кухню, сѣлъ къ столу, положилъ голову на руки и такъ остался. Я позвалъ его, онъ не отвѣтилъ, потрогалъ его за плечо, онъ не шевельнулся.

Убравъ самоваръ и посуду, я пошелъ въ сѣни, принесъ дровъ и затопилъ печь. Лаврикъ все сидѣлъ неподвижно.

Накопецъ онъ поднялся и сталъ какъ-то нехотя и небрежно дѣлать то и другое. Я не заговаривалъ съ нимъ и онъ не подавалъ голоса. Такъ время прошло до 4-хъ часовъ. Тутъ я одѣлся и пошелъ въ гостинницу обѣдать.

Когда вернулся, Лаврикъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ ласково: ты куда же это ходилъ?

—Обѣдать ходилъ, Лаврикъ.

—А развѣ у насъ нечего обѣдать?

—А развѣ ты изготовилъ что нибудь?

—У насъ вчерашнія кушанья есть, я ихъ разогрѣлъ.

—Ну, кушай самъ, я теперь сътъ.

Онъ замолчалъ, выставилъ кушанье изъ печки и унесъ его опять въ кладовую, не дотронувшись ни до чего. 'Блѣ ли онъ что нибудь въ этотъ день, я не знаю. Я ушелъ въ свой кабинетъ и сѣлъ за чтеніе.

Вечеромъ Лаврикъ вошелъ ко мнѣ, сталъ на колѣни передъ моимъ кресломъ и положилъ голову ко мнѣ на ногу. Я погладилъ его по волосамъ и спросилъ: что же это, Лаврикъ, развѣ такъ ужъ весело смотрѣть на пожаръ, что все можно забыть?

—Не сердись ты на меня!

—Не думаю сердиться. Я тебя, кажется, понимаю, Лаврикъ. У меня былъ знакомый молодой человекъ, очень доброй души и скромный и разъ онъ сказалъ мнѣ: какъ скучно, что давно не было пожара! Я думалъ сперва, что онъ шутить, но оказалось, нѣтъ. Когда разъ и другой случился пожаръ, то онъ не сошелъ съ мѣста пока не потухла послѣдняя 'головешка и ничѣмъ нельзя было его вызвать домой. Не то ли самое и съ тобой, Лаврикъ? Ты видывалъ когда нибудь большіе пожары?

—Видѣлъ, какъ цѣлая деревня сгорѣла. Я очень тогда испугался.

—Испугался и сегодня?

—Такъ испугался, что совѣмъ не помню, какъ изъ дому ушелъ, а тамъ сидѣлъ и все думалъ: что-бы большой то домъ рядомъ загорѣлся!

—Но вѣдь это же большое несчастье!

Люди тутъ теряютъ все имущество свое, здоровье свое, часто нищими становятся изъ за этого, развѣ не жаль ихъ?

—Ну какъ не жаль! Давеча женщина одна металась и голосила, что у нея всѣ деньги сгорѣли... и жаль ее, а все таки...

Онъ не договорилъ, помолчалъ, поднялся, подалъ мнѣ руку и пошелъ спать.

Этотъ злополучный пожаръ точно пошатнулъ умственныя способности Лаврика. Онъ сталъ по прежнему дѣятеленъ, внимателенъ и ласковъ, но часто задумывался, отвѣчалъ не впопадъ и раздражался отъ малѣйшаго замѣчанія, которое казалось ему обиднымъ.

Такъ прошли два мѣсяца; наступила весна. Лаврикъ съ каждымъ днемъ становился безпокойнѣе; въ свободные часы, вмѣсто того, чтобы заняться чтеніемъ или письмомъ, какъ это было прежде, онъ просиживалъ у окна, глядя безцѣльно на улицу; въ хозяйствѣ у него пошли разныя упущенія. Я слѣдилъ за нимъ съ безпокойствомъ и страдалъ. Наконецъ я узналъ, что онъ исподтишка продалъ, и то за безцѣнокъ, кое какія свои вещи, заведенныя имъ на жалованье, вещи которыми онъ дорожилъ и которыя его радовали. Между тѣмъ я зналъ, что у него лежатъ накопленныя деньги, рублей около 15-ти.

Когда я заговорилъ объ этомъ, онъ покраснѣлъ и поблѣднѣлъ и, плача, признался мнѣ, что задумалъ идти куда нибудь.

— Голубчикъ мой, говорилъ онъ, и слезы лились у него изъ глазъ, какъ я тебя одного-то оставляю? Кто будетъ тебѣ обѣдъ готовить, кто будетъ сапоги чистить, кто будетъ все приготавливать?..

— Вѣдь я съ самаго начала зналъ, что ты не вѣкъ у меня проживешь, Лаврикъ. Что же ужъ дѣлать! Если хочешь непременно идти, тутъ же нѣтъ никакого преступленія, даже и дурнаго ничего нѣтъ...

— Да я вовсе не хочу уходить отъ тебя!

— Самъ же говоришь, что пойдешь?

— Говорить то я говорю, это правда, но и то правда, что не хочу уйти.

— Какъ же такъ, двѣ правды у тебя? Что нибудь одно: или оставаться, или уходить.

— Ну, такъ я ужъ пойду.

— Куда же ты пойдешь, Лаврикъ?

— Въ Ярославъ.

— Вотъ тебѣ на! что же ты станешь дѣлать въ Ярославѣ?

— А развѣ я тамъ пропаду?

— Нигдѣ ты не пропадешь, но вѣдь надо пріискать себѣ что нибудь, надо пить, ѣсть

— На фабрику поступаю.

— Замучать тебя тамъ, обманывать, обсчитывать стануть, избалуешься.

— Ну я тогда уйду оттуда.

— Все уйду, да уйду! ужъ лучше прямо домой идти

— Домой я осенью и пойду.

— Написаль бы отцу-то.

— Я ужъ написаль и отвѣтъ получилъ.

— Что же онъ говоритъ?

— Не велить уходить. Велить домой идти А я хочу свѣтъ посмотрѣть.

— И я бы не велѣлъ тебѣ идти, не ради себя, а ради тебя самого, Лаврикъ Все будетъ думаться, что ты и голодь и холодъ терпишь, никто тебя не приласкаетъ, а если надуешься, никто за тобой ухаживать не станетъ.

— Да, да! подтвердилъ онъ Я много тебя огорчалъ. Я часто на тебя сердился и дулся, а ты все былъ правъ, и мнѣ досадно было, что ты правъ.

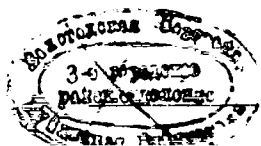
Онъ легъ на постель и плакалъ.

Мнѣ никогда не забыть этого холоднаго, пасмурнаго утра, когда Лаврикъ, завязавъ въ мѣшокъ и въ котомку свое имущество, уходилъ отъ меня. Нѣсколько разъ бросалъ онъ свою поклажу на полъ, садился къ столу, охвативъ голову руками, обнималъ меня потомъ и цѣловалъ и заливался слезами. Чтобы прекратить эти терзанія, я ушелъ въ кабинетъ и затворилъ за собою дверь.

Черезъ минуту наружная дверь стукнула и все затихло. Я вышелъ въ столовую и меня охватило такое гнетущее чувство одиночества и тоски, что я самъ заплакалъ.

Долго тосковалъ я по Лаврикѣ. Никогда и никто впоследствии не могъ мнѣ замѣнить его.

Н. Иваницкій.

— (КОНЕЦЪ) —